БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

БУАЛО-НАРСЕЖАК

ЖИЗНЬ ВДРЕБЕЗГИ

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

БУАЛО-НАРСЕЖАК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

COLLECTION DU ROMAN POLICIER FRANÇAIS

BOILEAU-NARCEJAC

ŒUVRES COMPLETES

*

VOL.

6

LA VIE EN MIETTES

LE TRAIN BLEU S'ARRETE TREIZE FOIS...

MANIGANCES

БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

БУАЛО-НАРСЕЖАК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЖИЗНЬ ВДРЕБЕЗГИ

ТОМ

6

ЖИЗНЬ ВДРЕБЕЗГИ

РОМАН

ГОЛУБОЙ ЭКСПРЕСС ДЕЛАЕТ 13 ОСТАНОВОК

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

РАССКАЗЫ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1996

ББК 84.4 Фр
Б90

СЕРИЯ
«БИБЛИОТЕКА ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА»
ВЫПУСКАЕТСЯ С 1995 ГОДА

Составитель Л. Завьялова

Художник А. Вальдман

LA VIE EN MIETTES (1972)
© Editions Denoël

LE TRAIN BLEU S'ARRETE TREIZE FOIS... (1966)
© Editions Denoël

MANIGANCES (1971)
© Editions Denoël

Состав, перевод и художественное оформление
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

Издание на русском языке
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00085-X (Т. 6)
ISBN 5-218-00006-X

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Перевод с французского
А. Валетова

*

БУАЛО-НАРСЕЖАК
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

MANIGANCES

(1971)

© Editions Denoël

В автомобиле, который увозит их, Жаклин ставит свои условия:

— Ты сейчас укатываешь в Женеву...

— Да, — говорит Антуан.

— Снимаешь дом.

— Да.

— Ожидая меня, примешься за работу.

— Да.

— И не забудь, что ты под наблюдением! При первой попытке к бегству, клянусь тебе, ты получишь сполна!

— Да.

— Теперь поцелуй меня.

Они целуются. Автомобиль делает крутой поворот среди стаи кур, которые, кудахча, разбегаются.

— И скажи мне спасибо.

— Спасибо, Жаклин!

Коты

Альбер Шедевиль с нежностью подтянул край одеяла на лапки Зулу и почесал кота между ушами.

— Так, мой хороший. Спи!.. Скоро вернусь.

Он еще раз для уверенности приложил палец к носу животного и, озабоченный, сделал несколько шагов по комнате, потом позвал вполголоса:

— Жюльетта!.. Жюльетта!..

— Да, мсье.

Это была старая женщина крестьянского типа. Она заканчивала устраивать у себя на голове какую-то странную шляпу, приколотую булавкой с перламутровым шариком на конце.

— Жюльетта... Этот кот заболевает.

— О! Мсье удивляет меня... Сегодня утром он ел как обычно.

— У кота температура, Жюльетта. Я знаю, что говорю. У него нос сухой.

— Послушайте, мсье! Можно иметь сухой нос и, однако...

— Хорошо-хорошо! Поторапливайтесь. Девять часов. Пропустите свой поезд.

Он вернулся к постели, пристально посмотрел на кота, пощупал ему уши.

— Ты не болеешь, — прошептал он. — Такой большой кот, как ты! Такой красивый кот!

Он улыбнулся, чтобы вроде бы развеселить огромного черного кота, который дремал, свернувшись клубком посреди кровати.

— Я готова, мсье.

— Вы все хорошо заперли?

— Но поскольку мьсе скоро вернется...

— Закройте все, Жюльетта. Вы невыносимы, когда все время спорите.

И, склонившись над котом, он добавил непривычно ласковым голосом:

— Она бы простудила тебя, мой толстячок. Давай оба успокоимся!

Он оглянулся. Да, блюдце молока стоит перед камином. Он поцеловал кота в бок и почувствовал, как возникает короткое приглушенное мурлыканье.

— До скорого, добрячок. Высыпайся хорошенько.

— Я спускаюсь, мсье, — бросила Жюльетта.

— Да-да, спускайтесь!

Он снял в прихожей с крючка свою шляпу, потом запер дверь квартиры. Этот кот ест слишком много мяса. Жюльетта, наверное, никогда этого не усвоит... Ладно! Ну вот, он запутался с ключами. Он посчитал зубчики на ключах марки «Яле». Пять зубчиков — ключ от верхнего замка. Четыре — от нижнего замка. Жюльетта поджидала его на тротуаре перед машиной. Прежде чем тронуться с места, он последний раз глянул на окна квартиры, занимавшей весь второй этаж здания.

— Зря мсье портит себе кровь, — сказала Жюльетта.

— Эх! Не порчу я себе кровь, — проворчал Шедевиль.

Но он вел машину более нервно, чем обычно, и едва не зацепил такси на площади у вокзала Сен-Лазар. Плохой день! Это был плохой день! Все шиворот-навыворот! Он взял билет Жюльетте, чтобы выиграть время, так как та без конца пересчитывала свои деньги, открывала и закрывала сумочку.

— Жюльетта, разожгите огонь, не забудьте. Нам будет весьма приятно по возвращении найти огонек. Зулу привык к центральному отоплению, и достаточно какого-нибудь недосмотра...

— Ничего у него нет, у этого кота.

— Есть, — отрезал Шедевиль. — Что-то с ним случилось.

И он подтолкнул Жюльетту к контролеру, который прокомпостировал ей билет. Она сразу же затерялась в толпе. Он повернул обратно, впервые забыв купить газету и пачку сигарет в зале ожидания, как он делал это каждую субботу. Он подумал, что при необходимости он смог бы всегда перезвонить Лерике, этому молодому ветеринару, о котором говорили столько хорошего. «По сути, я смешон, — сказал про себя Шедевиль, снова садясь в машину. — Жюльетта права. Это всего лишь кот!»

Ему было немного грустно, когда он остановил машину перед домом. У него бывали такие моменты, когда он смотрел на себя безжалостным взором. Старый маленький человек со своими навязчивыми мыслями — вот кем он становился. Уже без жены! Без детей! Один с котом... Если тот умрет, жизнь вообще больше не будет иметь смысла. Вот так!..

«Ладно, я уже мелю вздор», — подумал Шедевиль. Он нарочно погремел своими ключами и прислушался. Зулу частенько приходил к нему навстречу и мяукал за дверью. Сегодня же ничего. Никакого звука. Шедевиль вошел.

— Зулу!.. Это я. Ты видишь, я отсутствовал недолго!

Он остановился на пороге спальни. Торопливо и маленькими глотками кот пил молоко. СЕРЫЙ КОТ.

Шедевиль медленно приблизился. Это был серый кот, намного меньше Зулу, неухоженный, тощий, который жадно лакал, с неприятным, «невоспитанным» звуком. Шедевилю не было страшно. Еще нет!.. Он был скорее глубоко шокирован. Кот поднялся, потерся головой о камин, потом потерся боком о мрамор и мяукнул. Мяуканье резкое, надтреснутое, похожее на старческий голос, на голос бездомного. Шедевиль не смел больше двигаться. Мяуканье по-странному раздалось в пустой квартире. Животное смотрело на Шедевиля своими похожими на щелки, ничего не выражающими зрачками. Тогда Шедевиль стал пятиться назад шаг за шагом. Его рука поискала за спиной и нащупала дверь. Он бросился в прихожую и задвинул щеколду. Ему пришлось сесть

в своем кабинете, настолько он был ошарашен. Как, в конце концов, *каким образом он вошел?* А Зулу — *каким образом он вышел?*

Теперь серый кот мяукал в спальне. Он вытягивал из своего худосочного остова глухие, глубокие звуки, словно у мартовского кота. Можно было догадаться, что он кружит по комнате с жалким видом, выискивая какой-нибудь выход! Шедевиль прошел в столовую, на кухню, потом заглянул в спальню Жюльетты. А впрочем, к чему это? Все окна накрепко закрыты. И ни малейшего закоулка. Ни одного потайного местечка! Зулу в квартире больше не было! И это непристойное, неутомимое, несмолкаемое мяуканье! Этот серый кот! Настоящий кот-боец: на высоких лапах, узкий, угловатый, с тремя топорщившимися волосиками вместо усов. Какое потрясение для Зулу! Так как они наверняка столкнулись. Может быть, и подрались. А Зулу даже не смог защититься, находясь в том угнетенном состоянии, в котором он его оставил. Шедевиль с удовольствием всплакнул бы. В нерешительности стоял он посреди своего кабинета. Расспросить консьержку? Она отделалась бы от него. Или же лицемерно пожалела бы: «Такой красивый котик! Ей-богу! Если он вышел, мсье, то можете быть уверены, что нашел нового хозяина». Но он-то как раз и не выходил. Он не мог уйти. И что тогда? Не проглотил же тот другой его все же! Но другой? Откуда он взялся? «Сейчас позвоню в полицейский комиссариат». Из-за кота? Ему в лицо рассмеются. Особенно если он начнет объяснять, что Зулу — не просто кот, как другие, что это товарищ по несчастью. Друг, который приходил по вечерам садиться на угол стола, когда его хозяин попивал настойку, перебирая в мыслях прошлое.

Шедевиль подергал дверь спальни, и пришелец прекратил мяукать. Что делать, Господи, что же делать? Невозможно оставить это, наверное, злобное животное. Невозможно выкинуть его за порог. Невозможно предать огласке историю с котами. Никто не поверил бы ему, и посчитали бы, что он свихнулся. Разве не говорила Жюльетта, что зря мсье оставляет все это так, что он заболеет от горя! А между тем Жюльетта к нему привязана. Что же говорить о других!..

Нет! Не комиссар! Частный детектив! Пускай! Пусть это стоит сколько скажут! Надо покончить с этим. И по-

том, детектив выслушал бы его без улыбки. Детектив создан, чтобы выслушивать, а Шедевилю так требовалось выговориться!

Он полистал телефонный справочник. Как выбрать среди стольких имен? Там записаны телефоны десятков двух частных детективов — все бывшие инспекторы службы безопасности, все специалисты по слежке. Шедевиль остановился на неком Грегуаре, потому что тот жил совсем рядом, на улице Кардине. В общем, сосед. Он, наверное, лучше поймет. Он вполне согласился бы выехать на место, прийти зафиксировать, что черный кот превратился в серого! Фотографии Зулу позволили бы окончательно убедить его. Шедевиль надел шляпу, вышел на лестничную площадку и тщательно повернул в замках свои оба ключа «Яле»: с пятью зубьями — вверху, с четырьмя — внизу. Замки, которые невозможно открыть отмычкой. И никакой другой входной двери! Он тряхнул головой, отказываясь что-либо понимать, и спустился вниз, посматривая по сторонам, пытаясь обнаружить кота, «который не мог находиться снаружи», который «конечно же и не находился» снаружи, который, «возможно», стал тем жутким серым котом, тем, закрытым наверху, в спальне.

— Мсье Грегуар?

— Он самый.

Шедевиль вошел в сумрачную прихожую, где плавал запах фритюра, прошел в кабинет, заваленный книгами, где царил беспорядок. На мебели забытые трубки, на паркете обгорелые спички.

— Я вас слушаю.

— Так вот, в общем...

— Да вы садитесь.

— Да... спасибо...

Но Шедевиль не мог решиться присесть. То, что ему предстояло сказать, выглядело настолько обескураживающим! Тот другой погрузился в плетеное кресло, которое похрустывало при каждом движении, и подтянул к себе пенковую трубку, вложенную в словарь.

— Я по поводу своего кота...

Не очень-то у него располагающий вид, у этого Грегуара! Шестьдесят лет, неопрятно одетый, большущие

глаза навыкате и шумное дыхание астматика. Он продувал мундштук своей трубки, которая жутко хрипела.

— Не знаю, должен ли я... Вы будете смеяться надо мной...

— В моем возрасте, — сказал Грегуар. — Я столько всего перевидал! Меня так просто не удивишь.

— Представьте себе кота... в квартире, запертой на ключ... образно говоря, замурованный кот, который меняет цвет, форму...

— Вы меня удивили, — сказал Грегуар. — Я никогда не слышал, чтобы говорили о подобных вещах. Но садитесь же...

Он сохранял серьезный, немного безучастный вид, продолжая вытягивать щепотки табака из полувыпотрошенного пакета.

— Я возвращался с вокзала Сен-Лазар, — начал Шедевиль.

— Прежде всего ваша фамилия, — отрезал Грегуар. — Ваша профессия. Все подробности, которые могут вас охарактеризовать... Мне будет легче следить за вашей мыслью.

— Это верно. Зовут меня Альбер Шедевиль. Сорок восемь лет. Живу я на улице Шазель, в двух шагах от парка Монсо. Совсем маленькая квартирка, четыре комнаты, — это чтобы вам... Короче, я — бухгалтер. Знаете, что это такое: много крупных фирм дают периодически свои бухгалтерские книги экспертам, а цифры, мсье, цифры, они не дают подумать, в общем, я разбираюсь!

— Вы женаты?

— Да... или скорее вдовец... я потерял свою жену четыре месяца назад.

Шедевиль остановился. Стоило ли говорить о Жизель?

— Долго продлился ваш брак? — спросил Грегуар.

— Шесть лет.

— Удачный?

Грегуар задавал вопросы рассеянно, как человек, привыкший работать на ревнивых мужей, брошенных жен. Ну как объяснить ему, чем являлись эти шесть лет? Как признаться ему, не выглядя смешным, это Жизель являлась самой жизнью, светом, прелестью каждого дня, безумством каждо...

— Ах да, безусловно счастливый!

Он опустил голову.

— Каким образом она скончалась?

— Дурацким образом. Слишком поздно прооперированный аппендицит... Удивляюсь, как я смог пережить ее... К счастью, есть работа. Но это тяжело, уверяю вас. Эта квартира, где все напоминает мне...

— Вы не подумывали сменить квартиру?

— О да! Вы правильно рассуждаете! Но я только недавно нашел. Я выеду из дома в конце месяца.

— Детей нет?

— Нет. У меня кот... Это как раз из-за него... Я вполне понимаю, это выглядит по-идиотски — привязываться к животному, как к человеку... Кот, к тому же беспородный... Это мои соседи в Мёлане дали мне его после похорон... У меня там небольшой участок с домом, куда мы ездили проводить наши воскресные дни. Он очень нравился Жизель. Так что понимаете...

Шедевиль высморкался.

— Я как раз проводил до поезда мою милую старую служанку Жюльетту. Она отправляется первой в субботу, чтобы все привести в порядок и приготовить обед... Так как я продолжаю ездить в Мёлан. Ну что вы хотите... привычка!

— Эта Жюльетта... вы ей полностью доверяете?

— О, абсолютно! Она всегда служила у меня. Верная, преданная, незаметная; я считаю ее скорее престарелой родственницей, нежели прислугой. Так вот, я только что проводил ее на поезд...

— А своего кота вы, значит, не увозили?

Шедевиль посмотрел на Грегуара с дружеским чувством. А он не глуп, этот толстый мужчина, которого уже больше почти не разглядеть сквозь дым его трубки.

— Увозил, конечно же, увозил. Только увозил его с собой в автомобиле. Это позволяло обходиться без корзинки. Он устраивался сбоку от меня на сиденье... Так вот, возвращаюсь я с вокзала. Мое отсутствие длилось самое большее четверть часа. От вокзала Сен-Лазар до улицы Шазель. Открываю дверь. Заметьте, главное, эту подробность: дверь оставалась закрытой на замок, двойной замок марки «Яле», который я установил, так как моя жена была очень пугливой. И что же я нахожу? Серого кота вместо Зулу!

— Какого цвета ваш кот?

— Весь черный, с маленьким белым пятнышком вроде медальки на шее.

— Вы уверены, что это другой кот?

— Ну послушайте! Зулу намного крупнее этого серого кота. И потом, немного приболел, когда я уезжал. Тот же, наоборот, живой, шустрый! Что вы на это скажете!

— Одна простая версия. Вашего кота могли покрасить. Ну, я не знаю... Должно же здесь быть какое-то разумное объяснение.

— Вы идете по ложному пути, — чопорно возразил Шедевиль.

Грегуар наблюдал за Шедевилем своими чуть близорукими глазами, которые слезились от дыма. Не похоже, чтобы он шутил. И тем более, чтобы он скучал. Он, должно быть, часами смотрел вот так же на подследственных, когда служил в уголовной полиции.

— Почему госпожа Шедевиль была пуглива? По характеру или же...

— Она была нервной, импульсивной. Прежде чем заняться бухгалтерским делом, я работал в страховой компании и много разъезжал. Два года тому назад Жюльетте пришлось отсутствовать одновременно со мной, чтобы поехать к своему больному брату в Пуатье. Вот тогда-то я и установил этот замок.

— Сколько в вашем распоряжении ключей?

— Две пары. И обе пары у меня. Или, точнее, одна у меня, а другая у Жюльетты.

— Ага! Предположим, что ваша горничная потеряла свои ключи.

— Исключено: она бы призналась мне в этом.

— Она могла еще не заметить этого. У вас есть в Мёлане телефон?

— Да, 1—22.

Грегуар покопался за грудой журналов и вытащил телефонный аппарат, который поставил себе на колени.

— Чтобы уж сразу проверить, — сказал он, набирая код района. — Алло! Мне нужен номер 1—22 в Мёлане, департамент Сент-Уаз.

Отгоняя ладонью дым, чтобы получше видеть Шедевиля, он добавил:

— Если ваш кот действительно сбежал, то мы вынуждены сделать вывод, что кто-то открыл дверь.

— Исключено! — повторил Шедевиль.

— Алло... Номер 1—22? Кто у телефона?.. О! Это я звоню вам от имени господина Шедевиля... У вас есть ключи от его квартиры?.. Вы уверены?.. Да, подожду... Спасибо... Нет, не беспокойтесь... Господин Шедевиль сам вам объяснит.

Он повесил трубку.

— Они у нее. Я даже слышал, как они звякали, когда она копалась в своей сумке.

— А что я вам говорил?

Грегуар медленно выколотил трубку о свой каблук.

— Очевидно, — проговорил он, — что дело это не рядовое. Мы же ведь можем отбросить мысль о шутке... или о мести?

— Не задумываясь.

— Никто не может быть заинтересован в том, чтобы завладеть вашим котом?

— Никто. Хотя что вы имеете в виду?

— Пойдемте посмотрим!

Грегуар порылся в ящике стола и вытащил оттуда отмычки — усовершенствованное оснащение взломщика.

— Идите!.. Я сейчас... Да, это действительно не обычное дело!

Несколькими минутами позже Шедевиль показывал своему новому знакомому свой уникальный замок. Частный полицейский поморщился:

— Черт!

Однако он постарался и вставил стерженьки, крючки, инструменты странной формы.

— Ничего не поделаешь! Дайте мне ваши ключи.

Он отпер дверь.

— Видите, — сказал Шедевиль, — это современная квартира, все просто. Без стенных шкафов, закоулков, где мог бы спрятаться кот. Налево — мой кабинет. Прямо и направо — моя спальня. Уходя, я закрыл ее.

— Разрешите? — сказал Грегуар.

— Да, пожалуйста.

Грегуар толкнул дверь, за ним следом вошел Шедевиль. На коврике у кровати сидел великолепный белый кот. Он радостно мяукнул при виде обоих мужчин.

— А это? Только не падайте в обморок.

Он поддержал Шедевиля, который побледнел и с трясущимся подбородком напрасно пытался что-то сказать.

— Этот кот — белый, — спокойно продолжал Грегуар. — У вас нет четкого представления о цветах.

— Но... извините. Это не тот же самый кот.

— Как?.. Значит, третий?

— Тогда... Тот другой был серый, с немного более темной полоской по хребту.

И, уже теряя всякую сдержанность, со слезами в голосе, Шедевиль вцепился в руку полицейского.

— Умоляю вас... Поверьте же мне. Это невероятно! Серый кот, теперь белый... Вы подумаете, что я сумасшедший... Но послушайте!

Он втолкнул Грегуара в свой кабинет, открыл секретер.

— К счастью, у меня есть доказательства... Куда я засунул эти фотографии?.. А! Вот они!.. Ну что, разве мне привиделось?

Он похлопывал ладонью по выставленным фотокарточкам, четырем фотографиям, представлявшим Зулу сидящим, лежащим и стоящим.

— Хм... Что вы на это скажете?

У входа в спальню, положив хвост на лапы, прищурив глаза, за обоими мужчинами наблюдал белый кот.

— Клянусь вам, — продолжал Шедевиль, все более и более возбуждаясь, — что этот белый кот не имеет ничего общего с тем другим. Прежде всего, в нем немного от ангорской кошки. И потом, посмотрите, какой он большой, ухоженный. Я настаиваю, слышите, настаиваю, что это третий кот...

— Да верю я вам, — сказал Грегуар.

И Шедевиль, как бы сраженный этой фразой, которая подтверждала невозможное, присел, лепеча:

— Боже мой, Боже мой, что же это значит?

— Ну послушайте, — снова заговорил Грегуар, — не будем терять присутствия духа... Вы не думали посмотреть, не утащили у вас чего-нибудь?

— Как это?.. Не утащили у меня?.. Но снова эти кошки...

— Все-таки проверьте, — настаивал Грегуар. — Чтобы знать, вопрос только в кошках или же примешивается еще что-нибудь...

— Как вам угодно, — проговорил Шедевиль. — Признаюсь, не очень понимаю, куда вы клоните.

Круговым движением он указал на кабинет.

— Здесь все в порядке. Впрочем, и брать-то нечего. Обстановка обычная, купленная до моей женитьбы... Жизель она не нравилась. Она считала, что это была обстановка старого холостяка. Я намеревался заменить ее.

Грегуар движением подбородка указал на фотографию на секретере.

— Госпожа Шедевиль?

— Да.

Шедевиль чуть было не добавил, что она была красавицей, но если этот грубоватый толстяк не был законченным деревенщиной, то должен бы уже это заметить.

— Хорошо, — сказал Грегуар. — Обойдите другие комнаты!

— Деньги мои в банке, — возразил Шедевиль. — Но поскольку вы на этом настаиваете...

Он прошел на кухню, где принялся разговаривать сам с собой. Грегуар набил свою трубку большим пальцем, не прекращая осматриваться вокруг. Почему все эти кошки?

— Ни у кого не могло бы возникнуть мысли ограбить меня, — протестующе звучал в отдалении голос Шедевиля.

Грегуар вновь перевел глаза на портрет Жизель. Художественная фотография, подписанная известным именем. Декольте не лишено смелости.

— Драгоценностей нет, — продолжал говорить сам с собой Шедевиль, — картин нет... Жизель вкладывала все свои деньги в туалеты.

Грегуар шагал взад-вперед, поглаживал затылок, слегка похлопывая себя. Почему все эти кошки? Он остановился перед камином.

— Остолоп! — пробурчал он.

Шедевиль осматривал спальню горничной. Грегуар тяжело опустился на колено, приподнял спускную заслонку у камина. Металлические листы, которыми никогда не пользовались, вращались плохо. Грегуар наклонился, пощупал кирпичи. Черт возьми! Два из них, выступающие, шатались в своих гнездах. Он вытащил

их, запустил руку в углубление. Какая-то пачка писем, перевязанная ленточкой. Трогательно!.. Теперь — быстро! А эта чертова заслонка скрипела, скрипела!..

Грегуар встал, пробежал глазами одно письмо, сунул пачку в свой карман.

— Ничего! — издалека слышался голос Шедевиля. — Ничего не пропало. Ничего не может не хватать.

Он снова появился, разводя в бессилии руками.

— Я был в этом совершенно уверен. Вопрос только в котах. Скажите!.. Не мог бы я вас попросить... Не трудно ли вам будет увести вот этого?

— Мне?

— Да. Это, может, звучит идиотски, но я никогда не решусь тронуть его.

Грегуар как-то неопределенно покривился.

— Хм! Его можно временно просто запереть на кухне.

— В любом случае я пойду ночевать в отель, — поспешно добавил Шедевиль. — Когда я думаю, что какой-нибудь четвертый кот... Нет-нет... я не из пугливых, но эта мысль... Встаньте на мое место!

— Конечно!.. Однако вам не следует воспринимать это дело слишком уж всерьез. Что, по сути, имеет значение для вас, так это снова найти Зулу. Так вот, я очень надеюсь...

— Да услышит вас Господь! — сказал Шедевиль.

Во второй половине дня Грегуар явился в Бюро объявлений основных ежедневных газет. Он старательно написал своим крупным почерком:

«ГРЕГУАР ХОТЕЛ БЫ ВСТРЕТИТЬСЯ С ГОЛУБЫМ КОТИКОМ.

ОТВЕТ ДАТЬ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ГАЗЕТЫ».

Три дня спустя Грегуар появился на улице Шазель. Шел он тихонько и следил за обоими тротуарами. Изредка он оборачивался. Шаг его замедлялся по мере того, как он приближался к дому Шедевиля. Десять часов. В магазинчиках народ. Грегуар выколачивает о каблук свою трубку и сразу же набивает ее. Он смотрит на второй этаж, где проживает его клиент. Шторы

задернуты. Грегуар проходит здание, а затем в несколько быстрых прыжков пересекает улицу. Он звонит в квартиру на первом этаже.

— Мсье Жозеф Мюжер?

— Да, мсье.

— Грегуар, частный детектив. Ваше послание только что попало ко мне.

— Детектив?.. Хм!.. Проходите, мсье.

Мюжер, похоже, дезориентирован, обеспокоен. Он проводит своего посетителя в шикарную студию. Красное дерево и палисандр. Рояль. Современные полотна. Своим тяжелым, неподвижным взглядом Грегуар все оценил, все взвесил, включая Мюжера, который выглядит так молодо в своем расписанном фиолетовыми пятнами домашнем халате. Он вытаскивает пачку писем.

— Я вынужден был прочитать кое-какие из них, — сказал он без иронии.

Мюжер покраснел.

— О! — замечает Грегуар. — Все вы говорите одно и то же. Разрешите?

Он демонстративно закуривает трубку, поджигает одно письмо и кладет маленький сворачивающийся факелок на медный поднос.

— Ваша очередь продолжить начатое. Так будет лучше для всех.

— Забавный вы человек, — говорит Мюжер, — но, клянусь вам, доставляете чертовское удовольствие. А! Эти письма!.. Выпьем, мсье Грегуар?

— Чуточку «Чинзано».

— Но каким образом вы их раскопали?

— Из-за кошек.

— Значит, из-за этого. Шедевиль заметил...

— Ей-богу, может быть, он и не очень умен, но в конце концов у него тоже есть глаза! И даже мозги, которыми он попытался воспользоваться... Поскольку он не понимал, то пришел за мной.

Молодой человек поднял свой бокал:

— За ваше здоровье, Шерлок Холмс!

— За ваши любовные приключения, — негромко говорит Грегуар и добавляет: — Я сразу же подумал, что замена одного кота другим была непредвиденным следствием первого... Результатом какого-то совершенно независимого предприятия... Это бросалось в глаза. Но какого рода

предприятия? И предпринятого кем? К счастью, я увидел фотографию госпожи Шедевиль.

— И один ее вид...

— Боже мой! С одной стороны, молодость и красота! С другой — сорок восемь лет, редкие волосы, ухватки «папули». Кроме того, муж отсутствовал. Кто-то неизбежно его замещал. Кто-то более соблазнительный...

— Вы смеетесь надо мной!

— Вовсе нет. Увидите, мсье Мюжер, когда вам будет сорок восемь лет... Тогда я сказал себе: друг госпожи Шедевиль вернулся... Но почему? Потому что она умерла?.. Я вспомнил тогда, что Шедевиль намеревался менять квартиру. Я ухватился за эту ниточку. Неизвестный мог опасаться его отъезда, потому что в квартире существовало нечто, что могло быть обнаружено. Что?.. Что любовник может оставить у своей любовницы? А! Я привык, давайте... Письма, черт возьми! Всегда письма! Ваша мания писать!.. Оставалось найти тайник. Тайник в настоящий момент, вероятно, пустой. Но докопаться до конца — это моя работа... Мебель? Пустотелый предмет? Нет. Слишком неосторожно. Шедевиль мог бы случайно обнаружить. Какое-нибудь легко доступное место, но которым никто не подумает заинтересоваться. Конечно же камин, поскольку есть центральное отопление.

Мюжер разражается нервным смехом.

— Признаюсь, я не подумал об этом тайнике. Вы очень сильны, мсье Грегуар. А тайну с котами вы разгадали?

Грегуар насупился.

— Пока нет.

— Так вот, сейчас я вам поясню, но в свою очередь никакой похвалы не заслужу. Все, что вы только что сказали, верно. Я познакомился с Жизель два года назад. Красота дьявольская — так оно и было, даже больше того. Не раз мне пришлось пожалеть ее бедного добряка мужа. Сам я... Короче, она заказала третью пару ключей, и я посещал ее, когда Шедевиль уезжал по делам.

— Но... Жюльетта?

— Та спала рядом, Жизель предпочитала чувствовать ее за спиной, может быть, когда просыпалась... Так что у нее бывали моменты... Все очень просто, в конце кон-

цов, она начала меня пугать. Но я больше не мог обойтись без нее. Когда я проводил день, не увидев ее, то писал ей до востребования.

— И подписывались: «Голубой котик».

— Это она меня так называла. Над этим нечего смеяться.

— Я не смеюсь. Дальше?

— Сто раз я советовал ей сжечь мои письма. Она отказывалась. Пан или пропал — в этом была вся Жизель. Она считала, что нашла идеальный тайник в личном кабинете своего мужа... Ну, остальное вы знаете... Я случайно узнал, что Шедевиль собирается переезжать. Я места себе не находил. В субботу я решился. Из своего окна я увидел, как Шедевиль и его горничная садились в автомобиль. Подумал, что они вместе отправлялись в Мёлан. Сейчас или никогда...

— Расскажите мне о котах...

— Я к этому подхожу.

Мюжер встает, открывает дверь и зовет:

— Микадо!.. Микадо!..

В комнату входит серый кот и начинает тереться о ноги своего хозяина. Кот на высоких лапах, худой, взгляд дерзкий. Знаменитый серый кот!

— Это невозможный кот, — говорит Мюжер. — Он повсюду ходит за мной — в аптеку, в табачный магазин.

— Я понимаю, он пошел за вами во время вашего посещения квартиры.

— Именно! Я не до конца закрыл входную дверь, чтобы в случае тревоги обеспечить себе поспешный уход. Неожиданно я услышал в спальне настоящий бедлам, крики, будто режут, беготня какая-то. Я понял, что Шедевиль, тот тоже завел кота... И тут автомобиль останавливается перед домом... Тем хуже для котов! Я бросился наутек, бросив Микадо. Шедевиль уже поднимался по лестнице. Я забрался на третий этаж, чтобы не столкнуться с ним.

На какое-то мгновение Мюжер прерывается и отирает пересохшие губы.

— Я дождался, чтобы дверь снова закрылась. Однако, когда я собирался спускаться вниз, то услышал, как кто-то мяукает. Кот, уважаемый кот, которого Микадо обратил в бегство, сидел там. Ко мне вернулась надежда. Может быть, еще не все потеряно. Если бы Ше-

девиль не заметил исчезновения своего кота, если бы он не заметил моего присутствия, если бы из каких-нибудь соображений ему пришлось снова выйти... Знаете, как в такие моменты быстро соображаешь... Я поймал кота, спрятал его под курткой и вернулся к себе. Отсюда — посмотрите, из этого окна за вами — можно легко наблюдать за домом напротив. Несколькими минутами позже Шедевиль опять сел в свою машину. Тогда я снова взял кота и отнес его к нему. Безусловно, я забрал Микадо и — черт возьми! — забыл поискать письма. Чувствовал я себя как на сковороде!

— Простите, а этот кот, подобранный на лестнице, это же был белый кот?

— Да, белый кот. А что?

— Так вот, друг мой, знайте, что Зулу — черный, совершенно черный. Тот, которого вы приняли за кота Шедевиля, какой-то другой прогуливавшийся третий кот. Это привело к тому, что мне пришлось разгадывать две загадки вместо одной: загадку черного кота, ставшего серым, и серого — ставшего белым.

Мюжер хлопает себя ладонью по лбу.

— Так вот почему булочник, что на углу, вывесил в своей витрине объявление:

«ПОТЕРЯЛСЯ КРАСИВЫЙ БЕЛЫЙ КОТ.

ОТВЕСТИ ЕГО К КОНСЬЕРЖКЕ ДОМА 42-БИС».

Грегуар улыбается и допивает свой бокал.

— Возможно, старая Жюльетта увидит это объявление и отнесет кота его хозяину. В этом отношении мы спокойны. Остается этот несчастный Зулу... Досадно! Я подал Шедевилю надежду...

Он машинально переводит взгляд по направлению к дому напротив и вздрагивает.

— Вот так да!.. Там!.. Я не ошибаюсь...

Вдоль стены, прижимая уши, пробирается черный кот, почти касаясь брюхом земли.

— Мюжер, живо закройте Микадо!

Грегуар открывает окно и пытается придать голосу благожелательный тон:

— Зулу!.. Зулу, мой маленький...

Зулу останавливается. К счастью, на проезжей части никого нет. Потерянный, оголодавший кот стремительно двигается и прыгает на подоконник.

— Иди, мой красавчик! — говорит Грегуар.

Он закрывает окно и представляет кота Мюжеру:

— Зулу Шедевиль... Вы знаете, что вам остается сделать?.. Как только Шедевиль и его горничная уйдут... А?

Мюжер в нерешительности.

— Ба! — тихим голосом говорит Грегуар. — Ну что для вас еще одно посещение?

Собака

Сесиль дошла до той степени, когда горечь превращается в муку. Уже забываешь, от чего страдаешь. Хочется только одного — сесть, лечь, уснуть... уснуть! Она даже не помнила, где оставила свою машину, и какое-то время пребывала в состоянии человека, который просыпается в незнакомом мире и силится вспомнить, кто он и что он. А потом она как-то встряхнулась, мысленно вернулась к реальности и внезапно решила, что все, что с ней произошло, может, и не так уж важно. В жизни каждой молодой пары, наверное, наступает такой момент, когда один видит другого таким, каков он есть. И что тогда — конец любви? Или же начало другой любви, знакомство с печалью и безропотностью? Останется ли Морис тем незнакомцем, которого она только что в нем рассмотрела? Это произошло в мгновение ока, как будто новый Морис подменил того прежнего, которого она так любила. С виду он оставался тем же самым мужчиной, но теперь она испытывала стыд, что когда-либо принадлежала ему. Прежде всего, он оказался грязнулей. И его манера зажимать зубами кисть, когда он писал картину! И напевать идиотские мотивчики. И эти рисунки! Человечки, которых ребятишки изображают на стенах: вместо головы — овал, вместо волос — четыре или пять вертикальных черточек, нитевидное тело. Он называл эти глупости идеограммами и говорил, что хорошая реклама, чтобы запомниться, должна шокировать. Так как он всегда находил объяснения, всегда оказывался прав, его мастерскую заполняли ужасные работы, которые расхваливали какое-нибудь мыло, карандаши или аперитив. Его последняя находка: нечто вроде бензоколонки, наполненной красной жидкостью. Шланг тянется по вытянутой руке какого-то карлика. Возле насоса

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь вдребезги. Роман
Перевод с французского А. Райской 7

Голубой экспресс делает 13 остановок. Сборник рассказов
Перевод с французского Л. Корнеевой 157

Хитросплетения. Сборник рассказов
Перевод с французского А. Валетова 293

Буало-Нарссжак

Б90 Полное собрание сочинений. Т. 6: Роман и рассказы. — Пер. с фр. — М.: Центрполиграф, 1996. — 569 с.

ISBN 5-218-00085-X (Т. 6)
ISBN 5-218-00006-X

В шестом томе Полного собрания сочинений Буало-Нарсежака мы впервые знакомимся с их рассказами. Признанные романисты и в жанре короткого рассказа проявляют себя настоящими мастерами.

Быть может, ограниченное пространство новеллы и мешает свойственному им психологизму, зато в построении интриги и неожиданного финала «на пятачке» рассказа авторы явно выигрывают.

Пессимистическое восприятие современного мира сталкивается в представленных сборниках рассказов с необычайно жизнеутверждающим отношением к людям, населяющим эту зловещую действительность.

Читатели, которые познакомятся с шестым томом Полного собрания сочинений Буало-Нарсежака, безусловно придут к выводу, что целостное представление об их творчестве невозможно без новеллистики.

ББК 84.4 Фр

Литературно-художественное издание

ПЬЕР БУАЛО, ТОМА НАРСЕЖАК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 6

Редактор *В.Н. Новичкова*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректор *М.В. Макарова*

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.05.96.
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 32,81.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 1214

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

БУАЛО-НАРСЕЖАК

сежак, чьи книги буквально взорвали изнутри традиционный детектив, открыли новую страницу в истории жанра. Вместо привычной «игры ума» для разгадки преступления, соавторы показывают трепетную живую жизнь, раскрывают внутренний мир своих персонажей, очеловечивают повествование. Они вводят в детективный жанр несвойственный ему прежде психологический анализ, который органично переплетается с увлекательным сюжетом. По сути дела они создали новый тип литературного произведения — детективно-психологический роман, где психология помогает раскрыть тайну преступления, а детективный сюжет углубляет и обостряет изображение душевного состояния человека, находящегося в экстремальной кризисной ситуации.

Буало и Нарсежак очень скоро получили всемирное признание. Они опубликовали с 1952 по 1995 год свыше сорока романов. Почти все их произведения переведены на многие языки мира и опубликованы огромными тиражами. Их часто экранизируют в кино и на телевидении.

Буало и Нарсежак заняли достойное место в ряду классиков детективной литературы, таких как Конан Дойл, Агата Кристи и Жорж Сименон.

Буало и Нарсежак, дополняя друг друга, выработали совершенно оригинальную и хорошо отработанную манеру письма, о чем можно судить хотя бы по тому, что и после смерти Пьера Буало в 1989 году его соавтор продолжает подписывать свои произведения двойной фамилией, ставшей известной во всем мире.

ЦЕНТРПОЛИГРАФ